

С. ЧУХЛЕБ
Д. КРАСНЯНСКИЙ

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ
ПАРАДИГМЫ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

**Сергей Никитович Чухлеб
Дмитрий Евгеньевич Краснянский
Цивилизационные парадигмы
русской истории**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17970448

Цивилизационные парадигмы русской истории / Чухлеб С.Н. Краснянский Д.Е.: Пробел-2000;

Москва; 2007

ISBN 978-5-98604-103-2

Аннотация

Знание и понимание истории – это не всегда одно и то же. Эта книга поможет читателю лучше понять логику русской истории и преодолеть ходячие мифы и штампы относительно ее. Авторы – профессиональные социальные теоретики – убедительно демонстрируют, что проблемы и реалии, с которыми Россия столкнулась в XX–XXI вв. не случайны, но укладываются в общую логику русской цивилизации. Также в книге осуществлен анализ современного русского общества и рассмотрены возможные сценарии его будущего.

Содержание

Введение	5
Основные моменты социальной теории реформированного марксизма	7
§ 1. Материалистическое понимание истории	7
§ 2. Эпоха социальных революций	16
Социальные взрывы.	19
Социалистические революции.	22
§ 3. Становление Современности	25
Феноменология русской жизни	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Никитович Чухлеб, Дмитрий Евгеньевич Краснянский Цивилизационные парадигмы русской истории

ЧУХЛЕБ Сергей Никитович

кандидат философских наук,

доцент кафедры общегуманитарных дисциплин

Российской Академии музыки им. Гнесиных

КРАСНЯНСКИЙ Дмитрий Евгеньевич

кандидат философских наук,

доцент кафедры Связей с общественностью

МГТУ ГА

Рецензент

ОБЪЕДКОВ Иван Валентинович

кандидат исторических наук

Введение

Этот текст в первоначальном варианте существовал в качестве приложения к нашей книге «Комментарии к материалистическому пониманию истории». Но в процессе размышления и написания выяснилось, что небольшой текст разрастается до размеров брошюры, и в итоге складывается целостное представление о логике исторического развития нашей страны. В силу этого обстоятельства мы посчитали необходимым опубликовать этот текст в качестве отдельной работы. К тому же нас побуждает и ряд дополнительных причин.

Во-первых, поскольку «Комментарии к материалистическому пониманию истории» адресованы философам и социальным теоретикам, существует опасность, что кусок по русской истории окажется вне внимания профессиональных историков и тех, кто интересуется историей нашего Отечества. Это нас не устраивает, поскольку мы рассматриваем нашу работу, как достаточно любопытную и полезную. Правда, эвристическая ценность нашей работы имеет несколько относительный характер. Если оценивать ее относительно позиции авторов серьезных и просвещенных, то наше продвижение в области понимания российской истории окажется достаточно скромным. Если же оценивать ее с позиции той мифологии, что царит в головах наших соотечественников (от нее не свободны и многие профессиональные историки), то положения, сформулированные в нашей работе, оказываются революционными и ошеломляющими. Таковы парадоксы того чудовищного разрыва между общественным мнением и зрелым научным знанием, который наблюдается ныне в российском обществе.

Во-вторых, в современной исторической науке, специализирующейся на российской истории, сегодня существует известный вакуум в области общего понимания сущности российской цивилизации. Концепции, сложившиеся в советское время, уже не столь авторитетны, взамен же их пока мало что создано. В итоге образовавшийся теоретический вакуум заполняется самым странным образом. Одни, официально отбросив марксистскую парадигму, контрабандно воспроизводят ее вновь, пусть и в ослабленном варианте. Другие пытаются структурировать фактический материал, не пользуясь вообще никакой концепцией, что в итоге порождает жуткую эклектику. Третьи же пытаются позаимствовать ту или иную концепцию из сфер вне науки, как-то религия, политика, национализм, общественные мифы, что порождает мощнейшие искажения исторической истины. Соответственно, мы посчитали полезной нашу попытку внести свой вклад в разрешение этой проблемы.

Наш текст посвящен социально-философскому анализу российской истории. Иными словами, мы пытались, анализируя фактический материал, понять общую логику российской цивилизации. Очевидно, что наша работа оказывается на стыке социальной теории и исторической науки. Мы сочли возможным, будучи профессиональными социальными теоретиками, предпринять подобное исследование. И выражаем надежду, что возможные слабости нашей работы с точки зрения профессионального историка не будут строго осуждены.

Всякий социально-философский анализ опирается на то или иное направление. Наш социально-философский анализ российской истории исходит из социальной теории марксизма. Вернее сказать, социальной теории *реформированного марксизма*. Поясним. Марксизм как философская и социальная теория существует уже 150 лет – срок для научной концепции изрядный. Любая научная теория за этот срок должна существенно эволюционировать или, в худшем случае, погибнуть. Но современные марксисты пользуются всё тем же вариантом марксизма, который был в ходу в XIX в. Соответственно, в книге «Комментарии к материалистическому пониманию истории» мы предприняли попытку реформы социальной концепции марксизма с целью привести ее в соответствие с современными требованиями науки. Поскольку наша версия марксизма не является широко известной, мы посчи-

тали необходимым предварить очерк о российской истории кратким изложением основных моментов социальной теории реформированного марксизма. При желании читатель может опустить эту главу и перейти непосредственно к изложению русской истории.

Основные моменты социальной теории реформированного марксизма

§ 1. Материалистическое понимание истории

Первое, что необходимо сделать при реформировании марксизма – четко отделить научную концепцию Маркса от его политической доктрины. Более того, мы полагаем, что коммунизм – это антимарксизм, поскольку он противоречит основным идеям социальной теории марксизма. Сам Маркс не замечал этого в силу глубоко ценностного вовлечения в вопросы политики.

Сама научная концепция Маркса также нуждается в существенной реформе. Она возникла в XIX в. и не свободна от множества ценностных и метафизических доминант – существующие тогда стандарты науки были нечувствительны к их присутствию. Кроме того, за прошедшие сто пятьдесят лет эмпирический фундамент науки радикально изменился и расширился.

Соответственно, основное направление в реформировании марксизма – приведение его в соответствие с современными требованиями науки. Можно сказать, что речь идет о перестройке или даже «достройке» марксизма в позитивистском духе.

Прежде всего, марксизм должен быть избавлен от пагубного влияния гегелевской метафизики. Это означает отказ от диалектики как абсолютно умозрительного учения. Но это отнюдь не означает отказа от идеи развития. Идея развития и диалектика – нетождественны, что признавали и сами классики марксизма.

Кроме того, марксизм должен быть избавлен от жесткого детерминизма. Когда мы говорим, что всё происходящее не случайно, но необходимо – это можно понимать в двояком смысле либо в смысле «достаточного основания», либо в смысле жесткой предопределенности. Гегель и Маркс понимают развитие и действительность во втором смысле. Но если у Гегеля к тому есть основания – его система абсолютного идеализма, то у Маркса эта идея присутствует в качестве некритического заимствования у Гегеля. Более того, весь позитивистский дух марксизма явно восстает против этой идеи предопределенности. Если прогресс существует, если все ступени исторического развития заранее предопределены, и однозначно ведут лишь в одном направлении, то это очень удивительное обстоятельство. На его основании идеалисты и теисты правомерно делают однозначный вывод о существовании Мирового Разума. Странно, что марксисты, являясь материалистами, постулируют это обстоятельство и совершенно не делают тех выводов, которые из него вытекают. Не говоря уже о том, что им как ученым до сих пор так и не удалось указать на механизм и материальный носитель этой «вселенской программы».

Таким образом, мы склонны рассматривать движение человеческой истории как естественноисторический процесс, свободно ветвящийся во времени и пространстве. Свободно в том смысле, что многообразие условий и ситуаций порождает бесконечное множество социальных форм, успех или неуспех которых зависит лишь от их внутренней структуры и наличной ситуации и никак не детерминируется мифической «логикой истории».

Идея жесткого детерминизма и предопределения конкретизируются у Маркса в понятии прогресса. Соответственно, отбрасывая Марксов провиденциализм, мы отказываемся и от идеи прогресса. Идея прогресса есть глубоко ценностная идея и в этом отношении совершенно несовместима с объективностью и непредвзятостью научного анализа. Прогресс – это не просто развитие, это устремленность к чему-то высшему и совершенному. И это выс-

шее и совершенное вызывает у сторонников прогресса глубоко положительное принятие и энтузиазм. Грубо говоря, можно сказать прогресс – это развитие плюс ценностное отношение к этому развитию. Понятие прогресса лишено той объективности, которая присуща, пусть и отчасти, понятию «развития». В разное время и в разных обществах и даже в разных классах под прогрессом подразумевали и подразумевают различные вещи.

Вслед за Ю.И. Семеновым¹ мы рассматриваем отдельное общество как социальную особь или, точнее говоря, как социально-исторический организм (социор). Социальная теория по самой своей природе стремится к созданию обобщающей модели развития общества. Но всегда необходимо помнить, что эта теоретическая модель есть лишь предельное обобщение множества случаев и она не в состоянии напрямую описать судьбу отдельного социально-исторического организма. Она является лишь фундаментом для понимания этой судьбы, но на основании этого фундамента должна быть возведена специальная концепция, описывающая данный, частный случай.

Общество – социально-исторический организм – находится в среде. Его главная задача – успешное выживание и экспансирование. Материал и энергию для этого организм находит в самой среде. Соответственно, успех или неуспех организма зависит как от среды, так и от внутренней структуры организма.

Гениальность идеи Маркса состоит в том, что он понял – общество это такая же материальная система, как и любая другая в природе. И, следовательно, необходимо говорить об объективных законах функционирования этой системы. Сознание, как проявление информационного аспекта системы, есть лишь момент функционирования социального организма. Его роль важна, но она подчинена общей задаче.

Общество есть система производства и воспроизводства. Для того чтобы функционировать и экспансировать общество должно производить и воспроизводить основные элементы, его составляющие. Таковых четыре вида предметы, люди, символы, отношения. Соответственно, производство и воспроизводство общества осуществляется по четырем направлениям производство предметов – сфера материального производства; производство людей – социальная сфера; производство идей – информационная сфера; производство связей и отношений – регулятивная сфера или политика.²

В простых, первобытных обществах все четыре сферы функционируют синкретично. В обществах цивилизованных они выражаются в наиболее фундаментальной схеме разделения общественного труда. Для функционирования социально-исторического организма необходимы все четыре сферы, но в тот или иной исторический момент важнейшей может оказаться любая из них. Но чаще всего это материальное производство. Кроме того, материальное производство выполняет наиболее важную функцию – оно создает «тело» общества, питая его посредством извлечения вещества из окружающей среды. В силу этого структура и характер материального производства в тенденции детерминирует всю структуру общества. Этот тезис обычно шокирует интеллектуала, поскольку тот привык воображать, что пульсирование духа и составляет сердцевину его жизни. Более того, он склонен проецировать эту фантазию на остальных людей и полагать, что их образ жизни и действий определяется идеями, которые он продуцирует. Но если мы вспомним, что интеллектуалы составляют ничтожную часть человеческого сообщества, что большинство людей погружены в повседневность материальной жизни, то мы поймем, что потребности и характер этой жизни оказываются решающими.

¹ Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003.

² См. концепцию Момджяна К. Х. (Кузнецов В. Г., Кузнецова И. Д., Миронов В. В., Момджян К. Х. «Философия Учебник». – М. ИНФРА-М, 2003.)

Фактически, общество – это гигантский «муравейник», в котором отдельная человеческая особь оказывается лишь частью единого организма. Она вовлечена и подчинена общему порядку социального целого и то, о чем она думает, есть лишь, как правило, иллюзорное осмысление происходящего, детерминированное наличными программами культуры.

Итак, материальное производство оказывается фундаментом всей социальной структуры. Характер материального производства определяется характером среды, в котором оно осуществляется и характером средств, посредством которых оно осуществляется.

Средства материального производства Маркс называет производительными силами и включает в их состав орудия труда, средства труда, технологии, человека как субъекта производства. При всей простоте этой идеи из неё следует важнейший вывод материальное производство – это не чистый произвол, но жестко детерминированная производительными силами и средой ситуация. Соответственно, характер производительных сил и среды, в контексте которой осуществляется производство, жестко определяет характер производственных отношений, то есть отношений, в которые вступают люди по поводу производства. Это соотношение Маркс называет законом соответствия производственных отношений производительным силам. С учетом того, что подавляющая часть общества фундаментально вовлечена в материальное производство, можно констатировать, что характер ее бытия не произволен, но жестко обусловлен. Таким образом, несколько условно, можно говорить, что для определенного уровня развития производительных сил наиболее адекватен лишь один вид производственных отношений. Но в реальности на материальное производство фундаментально воздействуют среда, и множество других факторов культурного, политического и внешнего характера. Всё это в итоге приводит к достаточно большому разбросу в характере производственных отношений. Если подобные мутации оказываются эффективными, то социальный организм процветает. Если же они не эффективны, то социальный организм проигрывает в конкурентной борьбе.

Итак, характер и уровень производительных сил определяет характер производственных отношений. В числе последних можно выделить производственно-технические отношения и отношения собственности. В конечном счете, производственно-технические отношения оказываются фундаментом отношений собственности. Иными словами, сообразуясь с наличным характером производительных сил, люди вступают в определенные производственно-технические отношения, которые затем в исторической перспективе оформляются посредством отношений собственности.³ Отношения собственности закрепляют и выражают господствующее положение организатора производства.

Маркс выдвигает фундаментальнейший тезис тот, кто господствует в материальном производстве, господствует в обществе, поскольку характер отношений материального производства определяет характер всей совокупности общественных отношений. Это правило выражается в законе – базис определяет надстройку. Под базисом Маркс подразумевает социально-экономические структуры. Под надстройкой – политические и идеологические структуры. Соответственно, та социальная группа, которая занимает доминирующее положение в материальном производстве, оказывается господствующей социальной силой и контролирует политическую и идеологическую сферы.

Вместе взятые базис и надстройка образуют определенный тип общества – общественно-экономическую формацию. Сутью общественно-экономической формации явля-

³ Для иллюстрации этого процесса нам вовсе нет нужды погружаться в далекое прошлое. Достаточно вспомнить первые годы советской экономики. С самого начала имеющиеся производственно-технические отношения, обусловленные индустриальным производством, вступили в конфликт со стихийно складывавшимся рабочим самоуправлением. Достаточно скоро все встало на свои места. Все элементы рабочего самоуправления были подавлены, а господствующее положение в отношениях собственности занял тот, кто являлся центральной фигурой в производственно-технических отношениях – бюрократ.

ется способ производства. Говоря о способе производства, мы должны ясно различать «материальное производство» и «общественное производство».

Общество есть производство. Соответственно, можно говорить об общественном производстве и его структуре. Поскольку в истории обнаруживаются различные типы общественных производств, т. е. обществ, постольку необходимо использовать вслед за Марксом понятие «способ производства», отражающий специфику того или иного общества. Способ общественного производства есть специфический способ существования того или иного общества.

Понятие «материальное производство» по своему значению и объему уже, чем понятие «общественное производство». Материальное производство есть подсистема общественного производства. Тогда способ материального производства – одно из проявлений способа общественного производства.

Разводя эти два понятия, мы фиксируем две линии социальной детерминации. Структура общественных отношений выстраивается на основе способа материального производства. Но довольно часто наличная историческая ситуация акцентирует сферу политического или информационного производства – она оказывается столь же или более важной на данный момент, чем материальное производство. В итоге, способ общественного производства оказывается совокупным результатом взаимодействия способов производства отдельных сфер общества. Именно эту ситуацию мы наблюдаем в России XV–XVIII вв. Здесь способ материального производства фактически тот же, что и на феодальном Западе. Но поскольку проблема политического выживания социального организма оказалась исключительно важной, решающим элементом в способе общественного производства выступил способ политического производства. В итоге сложилась достаточно любопытная система поместного политаризма, где политическая проблема выживания общества решалась на базе тех средств, которые предоставлял способ материального производства.

Теория общественно-экономических формаций призвана классифицировать социально-исторические организмы, сложившиеся в процессе социальной эволюции.

Отказываясь от жесткого детерминизма, отказываясь от идеи предопределенности и прогресса, мы отказываемся и от линейно-стадиальной концепции истории, сформулированной Марксом. Маркс рассматривает исторический процесс в качестве жестко детерминированного, поступательного, восходящего развития. Он отождествляет формации и стадии, так что каждая формация, т. е. тот или иной тип общества оказывается одновременно закономерной ступенью поступательного развития социального. Каждая последующая формация закономерно и неизбежно вырастает из предыдущей, что в итоге предполагает финальную формацию – коммунизм.

Мы же рассматриваем исторический процесс на манер биологической эволюции. Здесь есть закономерности, здесь есть ступени и здесь просматриваются определенные линии развития. Но эти ступени и линии констатируются ретроспективно в качестве реально сложившихся именно в этих условиях и обстоятельствах. На отрезке биологической и социальной эволюции, начиная с момента возникновения жизни и заканчивая современностью, существовало множество возможностей остановки эволюции, обращения ее вспять или поворота в другую сторону. Корректно отрицать это, можно лишь опираясь на веру в Мировой Разум и Божественное Предопределение.

Соответственно мы различаем понятия «общественно-экономическая формация» и «стадия». Ретроспективно мы можем констатировать, что в истории человечества можно выделить две стадии стадия присваивающего хозяйства и стадия производящего хозяйства.

Последняя стадия делится на две эпохи⁴ аграрного производящего хозяйства и индустриального производящего хозяйства.

На стадии присваивающего хозяйства мы гипотетически обнаруживаем один тип общества – первобытнообщинную формацию. Гипотетически, потому что при более тщательном исследовании вполне может оказаться, что первобытное общество не столь однородно, как это представлялось до сих пор.

На стадии аграрного производящего хозяйства можно обнаружить большой разброс типов социально-исторического организма. Мы полагаем, что можно выделить шесть способов производства, достаточно полно характеризующих все разновидности аграрных обществ.⁵ Таким образом, мы можем говорить, о шести общественно-экономических формациях, наблюдаемых на аграрной стадии.⁶ Нелишне будет заметить, что в рамках жизни отдельного социума, эти формации могут сменять друг друга в различном порядке.

1. Политарный способ производства. Политарная формация (политаризм).

Под политаризмом следует понимать такой тип общества, при котором коллективный субъект (чаще всего государство) выступает на социальном поле как тотальный и единственный, или доминирующий субъект.

2. Магнарный способ производства. Магнарная формация (магнаризм).

Под магнаризмом следует понимать такой тип общества, где господствует крупное частное землевладение, которое является основой доминирования землевладельческой аристократии в социальной, политической и культурной сферах. Крестьяне ведут самостоятельное хозяйство на земле магнатов, находясь в различных формах зависимости от них.

Западноевропейский феодализм следует рассматривать как специфическую форму магнаризма.

3. Нобиларный способ производства. Нобиларная формация (нобиларизм).

Нобиларное общество – это общество, где господствует частная собственность на средства товарного производства и обмен. Соответственно, стержнем нобиларизма является рынок, в развитой форме нобиларизм может быть characterized посредством понятия «капитализм».

Следует различать аграрный нобиларизм (агронобиларизм) и индустриальный нобиларизм (индустронобиларизм, или капитализм).

А) Агронобиларизм. Речь идет о ситуации, когда нобиларизм возникает и развивается на аграрной стадии. Здесь главной его основой является ремесленное производство и торговля. Соответственно нобиларизм – это чаще всего форма городской цивилизации. Его связь с аграрным производством может быть двоякого характера.

Первое. Нобиларные структуры инкорпорированы в аграрное общество, то есть являются составной частью аграрного социума и представляют в рамках его отдельный экономический уклад (например, большинство европейских средневековых городов). Причем, используя понятие уклад, мы особенно акцентируем внимание на том, что взаимодействие уклада и господствующего способа производства чаще всего имеет характер симбиоза. Именно это обстоятельство часто заставляет исследователей воспринимать нобилар-

⁴ Для простоты мы будем называть их также стадиями.

⁵ Наше утверждение о шести способах аграрного производства мы рассматриваем не как окончательное суждение на этот счет, но лишь как хорошую продуктивную гипотезу. Вполне возможно, что дальнейшие наши исследования или исследования других ученых могут видоизменить эту модель, добавив и иные типы. Мы лишь настаиваем, на некоторых принципиальных константах видения социального процесса «непредопределенность» социальной динамики, её многовариантность, обратимость и т. д.

⁶ При разработке этой модели мы опирались на тексты Ю.И. Семенова, и использовали ряд его терминов. Но наша концепция истории достаточно сильно отличается от его концепции.

ные структуры в рамках аграрного общества, например, западноевропейского феодального общества, как необходимый его элемент.

Второе. Нобиларная структура является господствующим способом производства, например, Карфагенская республика или средневековые итальянские города-коммуны. Здесь нобиларная структура подчиняет или в различной степени ассимилирует традиционные аграрные структуры.

В) Индустронобиларизм. Индустронобиларизм появляется на базе машинного производства. Это на данный момент – высшая форма нобиларизма. Она повсеместно и хорошо известна как «капитализм». В силу этой известности мы не будем здесь подробно её описывать.

Термин «нобиларизм» мы заимствовали у Ю. И. Семенова. Он хорош, но не совсем удачен, поскольку ассоциативно сразу же отсылает к понятию «нобили», и, прежде всего, к нобилитету средневековых городов-коммун. Возникновение нобилитета является существенным и закономерным явлением в любой сколь-нибудь развитой нобиларной структуре. Но существование нобилитета является второстепенной характеристикой этой структуры. Не говоря уже о том, что нобилитет всегда соседствует с огромной массой мелких и средних товаропроизводителей. В этом отношении возможно более удачным названием для нобиларной структуры было бы название «рыночная» или «маркетинговая» структура. И, соответственно, «рыночное» или «маркетинговое» общество. Но поскольку, термины имеют конвенциональный характер, постольку мы допускаем, что возможно образование более удачного наименования.

4. Общинно-крестьянский способ производства. Общинно-крестьянская формация.

Крестьянско-общинная формация – это такой тип, где общество совпадает с крестьянской общиной, являющейся социальной формой организации мелкого и среднего земледелия на базе коллективного землевладения.

Обычно этот тип обществ ускользает от внимания большинства социальных теоретиков в силу своей предельной простоты. Образно говоря, общинно-крестьянские социоры являются «простейшими», «одноклеточными» аграрного социального мира. Они лишены какой-либо стабильной, четко оформленной политической структуры и не являют собой пример сложных цивилизационных форм. Здесь, фактически, социор совпадает с крестьянской общиной и на эмпирическом, наблюдаемом уровне предстает как обычная деревня. Более того, эта социальная форма в последующем используется как фундамент для сооружения более сложных социальных конструкций политаризма или магнаризма. Если же, почему-либо эти сложные сооружения разрушаются, то они вновь распадаются на простейшие социальные организмы, которые воспринимаются исследователем лишь как обломки цивилизации.

Но на деле мы видим, что подобный тип социальной организации оказывается повсеместно распространен на стадии перехода от первобытности к цивилизации, и существует тысячелетия. Соответственно, нет никаких препятствий к тому, чтобы выделить его в качестве особого, самостоятельного социального типа, в качестве отдельной общественно-экономической формации.

5. Полисный способ производства. Полисная формация.

Полисная общественно-экономическая формация – это такой тип общества, где господствует мелкое и среднее частное землевладение, оформленное в рамках гражданской общины.

К. Маркс использовал иной термин, он говорил об античном способе производства. Можно говорить и так, если забыть о том, что античность являла и другие способы производства.

Полисные общества – особенный, уникальный тип обществ, существовавший лишь в Средиземноморье. Если бы мы были сторонниками универсализма, то мы, скорее всего, исключили бы на этом основании полисную формацию из общей схемы. Но нашей задачей здесь является не выявление всеобщего закона, а лишь классификация реально существовавших и существующих обществ. Средиземноморье античной эпохи демонстрирует тысячи социально-исторических организмов, построенных на полисной основе. Этого факта вполне достаточно для того, чтобы выделить полис в качестве самостоятельного социального типа.

6. Доминантный способ производства. Доминантная формация (доминанизм).

Доминантный (рабовладельческий) тип общества возникает достаточно редко и вследствие уникального стечения обстоятельств. Фактически, он порождается двумя мощнейшими факторами. Первый из них – масштабный постоянный приток на рынок труда дешевой рабской силы. Второй фактор – наличие мощных, развитых нобиларных структур, порождающих обширный рынок для сбыта товаров рабовладельческих хозяйств.

Доминанизм может возникнуть лишь в сочетании этих двух факторов. Отсутствие масштабного, постоянного притока рабов не позволит создать крупные рабовладельческие хозяйства. Отсутствие же развитого рынка не позволит этим хозяйствам быть эффективными. В отсутствие подобного рынка не может быть повсеместного спроса на рабов и, следовательно, не может быть мотива этих рабов захватывать. Самое естественное, что можно сделать в этой ситуации – сажать этих пленников на землю, превращая их в зависимых крестьян.

Судя по всему, именно нобиларные структуры являются мощнейшим катализатором для порождения доминантных хозяйств. Мы отчетливо видим это как в древности, так и в Новое время. Достаточно вспомнить, что расцвет плантационного рабства в Северной Америке был спровоцирован бурным развитием индустриально-нобиларных структур (капитализма).

На стадии индустриального производящего хозяйства можно обнаружить лишь один тип устойчивой социальной организации – капитализм. Все остальные социальные формы, возникшие и существующие в Новое и новейшее время – это либо наследие прошлого, либо переходные конструкции на пути к модернизированному обществу.

«Капитализм» – ключевое понятие для понимания всемирной истории последних пятисот лет. Именно в это время свершается эпохальный перелом всемирно-исторического масштаба – в Западной Европе зародился и окреп капитализм. Если вдуматься, то станет ясно, что это событие из разряда тех в истории человечества, которые можно посчитать на пальцах одной руки. Фактически, таких событий на данный момент всего три – появление человечества; переход к земледелию и зарождение цивилизации; возникновение индустриального общества, то есть капитализма. Последнее особенно существенно. Капитализм это общественная форма, в которой формируется и существует индустриальное общество. Речь идет естественно о наличной исторической перспективе. Возникновение *homo sapiens* означало приговор всему живому на Земле – оно стало законной добычей человека разумного. Аграрные классовые общества явились приговором для племен охотников и собирателей. Капитализм означает неизбежный конец всех традиционных некапиталистических общественных форм. Во времена Древнего Египта многие племена могли быть спокойны, ибо знали, что воины фараона никогда не доберутся до них. Ныне же ни одно традиционное общество не может пребывать в беззаботности – рано или поздно у его границ возникнут сначала торговцы, а за ними и армады броненосцев. Наивно думать, что эти броненосцы плод хитрого европейского ума или, на худой конец, посланцы особой «материалистически ориентированной» цивилизации. Если бы это было так, то аборигены могли бы перенять пару тонких приемов и создать нечто подобное. Либо же обаять жестоких пришельцев утонченной духовностью своего мира. Но секрет в том, что сама капиталистическая общественная структура неразрывно связана с массовым производством и безудержным

технологическим прогрессом. Мыслить капитализм в категориях штучного производства и технологической стагнации это то же самое, что мыслить огонь вне движения. Рыночная конкуренция и машинное производство высвобождают чудовищную продуктивность, по своей мощи сопоставимую с колоссальной энергией расщепленного атома. Эта же структура с неизбежностью порождает наиболее эффективную на данный момент систему управления – демократию. В целом же капиталистическое общество продуцирует такой идеал свободной, вольготной жизни отдельного человека, который оказывается неудержимым магнитом для миллионов и миллионов подданных традиционных государств. Таким образом, традиционные общества органически неспособны к конкуренции и противостоянию капитализму. Если это им и удастся в отдельный момент, то в длительной временной перспективе это всегда заканчивается плачевно. Традиционное общество оказывается неспособным выстроить социально-экономические и политические структуры, которые бы порождали такой же шквал новаций. И они не способны создать необходимую массу общественного продукта, который мог бы обеспечить функционирование этих структур. Фактически можно говорить о Вызове, который предъявляет капитализм самим фактом своего существования всем традиционным обществам. И чем более развит капитализм, тем труднее игнорировать этот Вызов.

В качестве сущностных признаков капиталистического способа производства необходимо отметить следующие

1. Господство капитала, представленное классом организаторов производства – буржуазией, и использование класса пролетариев.
2. Повсеместное распространение рынка и товарно-денежных отношений.
3. Массовое производство товаров.
4. Особый «дух, этос капитализма», включающий в себя предельное рационализирование деятельности, предельную степень прагматизма, дисциплины и сложный комплекс мотивации, обеспечивающий высочайшую интенсивность труда.
5. Вал научных и технических новаций. Он порожден и востребован в ситуации капиталистической конкуренции. Более того, капитализм создает все необходимые условия для возникновения развитой светской науки.

Существует множество точек зрения на обстоятельства и причины возникновения капитализма. Обычно эти позиции абсолютизируют тот или иной фактор. Скорее всего, правы все. Необходимо лишь правильно распределить по степени важности все выявляемые моменты.

И даже если это удастся, то необходимо помнить, что в итоге получится удачная интеллектуальная конструкция, которая лишь отчасти отражает многообразие реального процесса.

Помимо всего прочего, необходимо помнить, что западноевропейский феодализм сам по себе был уникальным явлением. А без него капитализм был бы невозможен.

Более того, географический характер Западной Европы таков, что здесь все социальные процессы последних трех тысяч лет имели достаточно необычный, почти уникальный характер. Западная Европа оказалась ретортой, в которой непрерывно возникали социальные новации. Но даже эти новации могли быть прерваны или обращены вспять при серии следующих одно за другим нашествий, подобных Великому переселению народов, которые могли быть вызваны климатическими изменениями в Азии.

Таким образом, мы видим, что нобиларные и раннекапиталистические структуры отличаются крайней уязвимостью и нестабильностью. Лишь в тот момент, когда Западным нобиларным структурам удалось опереться на созданную ими же промышленную основу, эта нестабильность оказалась изжита. Капитализм принял необратимый характер. Фактически, промышленность является наиболее адекватной основой капиталистического способа

производства. Капитализм оказывается социальной формой индустриального общества. И именно через него человечество втягивается в стадию индустриального производящего хозяйства.

Капитализм открывает эпоху социальных революций.

§ 2. Эпоха социальных революций

Понятие «революция» не всегда может быть связано с понятием «классовой борьбы». Можно говорить о «социальной революции», о «промышленной революции», о «политической революции», о «культурной революции», о «религиозной революции» и т. д. Революция – это коренной слом и качественное изменение социальной системы в целом или её части в относительно короткий промежуток времени.

Стадиальные изменения всегда имеют эволюционный характер и занимают длительный промежуток времени. Формационные же изменения также за редким исключением имеют эволюционный характер.

Революция – один из моментов формационных изменений. Революция не имеет характер всеобщего закона, хотя в момент перехода от аграрной стадии к индустриальной весьма вероятна. Более точно было бы сказать, что в определенные отрезки истории смена формаций сопровождается целой серией различных социальных, политических, промышленных, религиозных и культурных революций. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на Европу 16–20 вв. Здесь становление индустриальной стадии в её типической форме – капитализм, сопровождалось серией различных революций.

Социальная революция – это коренной слом и качественное изменение социальной системы в целом в относительно короткий промежуток времени. Чаще всего социальная революция включает в себя политическую революцию и реализуется посредством ее.⁷ Но социальная революция нетождественна политической революции. В редких случаях она может совершаться без нее. В качестве примера можно привести радикальные реформы 1861 г. в России или «революцию Мэйдзи» в Японии. Чаще же всего социальная революция сопровождается мощной политической революцией Великая французская революция, китайская революция 1911 г., две русских революции 1917 и 1991 гг. Такие революции являют собой не смену формаций, но радикальный шаг на пути к смене формаций. Часто, не смотря на радикальный характер, они нуждаются в дополнительной череде политических и экономических революций. Как мы это наблюдаем во Франции, где радикальная революция 1789–1794 гг. получила своё дополнение в промышленной революции 20–30 гг. XIX в. и череде политических революций 1830–1871 гг.

Известны случаи, когда социальная революция осуществляется в рамках политической и религиозной революции Английская буржуазная революция XVII в. и Нидерландская буржуазная революция рубежа XVI–XVII вв.

Революция не имеет характер всеобщего закона, хотя в момент перехода от аграрной стадии к индустриальной весьма вероятна. Этот тезис особенно важен, ибо позволяет понять смысл весьма актуальных для человечества событий. Кроме того, он во многом объясняет причину, по которой Маркс сформулировал тезис, о том, что революция есть обязательный способ смены формации.

Маркс жил в эпоху, когда переход от аграрной стадии к индустриальной в Европе вступил в решающую фазу. Мощнейшие социальные, политические революции сотрясали европейские общества до основания. Хотя имелись и примеры эволюционной смены формаций – прусский путь развития капитализма и реформы 60-х гг. в России – Маркс был склонен, больше внимания обратить на общую тенденцию и рассматривать эти примеры как исключения. К этому было тем больше оснований, так как сам Маркс был активно вовлечен в политическую деятельность.

⁷ Политическая революция – это коренной слом и качественное изменение надстройки.

Фактически, тезис Маркса о том, что революция и интенсивная классовая борьба есть обязательный и всеобщий способ смены формаций является тотальной проекцией Новоевропейских реальностей на историю в целом. Неоправданная проекция.

Революция не имеет характер всеобщего закона, поскольку основой смены формаций является смена способов производства. А смена способов производства чаще всего есть эволюционный процесс. Субъект экономического интереса, стоящий за каждым способом производства, непрерывно приспособливает производство к новым реалиям. В какой-то момент процесс достигает меры и старый способ производства переходит в новое качество, а старый субъект экономического интереса трансформируется в новый. Два блестящих примера этого эволюционная трансформация землевладельческого класса Англии в так называемое «новое дворянство» и преобразование класса рабовладельцев Римской империи в класс земельных магнатов, эксплуатирующих колонов. Причем, это вовсе не эксклюзивные примеры. Процесс эволюционной смены формаций можно было бы проиллюстрировать и обосновать таким множеством фактов, что их перечисление могло бы занять не одну тысячу страниц ученого трактата. Мы же лишь апеллируем к знанию истории, которым должен обладать каждый социальный теоретик.

Но при переходе аграрного общества в индустриальное ситуация кардинально меняется.

В отличие от предыдущих эпох, где хозяйство эволюционировало из одного состояния в другое, здесь мы наблюдаем достаточно уникальную ситуацию. Производство здесь представлено двумя укладами – в недрах традиционного аграрного общества возникает и бурно развивается, фактически, инородная ему экономическая структура – промышленный уклад, представленный самостоятельным субъектом экономического интереса – буржуазией. В итоге в рамках разлагающегося аграрного общества оказываются рядоположенными два экономических уклада и два субъекта экономического интереса. Причем аграрный уклад являет достаточную косность и консервативность, что отражается в политической консервативности землевладельческого класса, промышленный же уклад бурно развивается и наполняет всё большей экономической и политической силой класс буржуазии. В редких случаях подобная рядоположенность относительно «согласованна» и тогда возможны два варианта либо буржуазия оказывается достаточно слабой, чтобы столкнуть класс традиционных землевладельцев, но правящая элита, во избежание революционных эксцессов, сама осуществляет решительные реформы – прусский путь развития капитализма. Либо же интенсивность развития капиталистического сектора столь велика, что она достаточно быстро вовлекает в орбиту капитализма традиционные аграрные структуры – формирование «нового дворянства» в Англии.

Но чаще всего, экономическая и политическая рядоположенность двух укладов и двух субъектов экономического, а значит и политического интереса, оказывается «несогласованной». В итоге окрепшая буржуазия сталкивается с социальной арены одряхлевший класс землевладельцев, разрушает традиционные структуры аграрного общества и достаточно быстро поглощает их обломки в капиталистическую структуру.

Именно в силу этих обстоятельств переход аграрного общества в индустриальное череват великими революциями и социальными потрясениями. Но проецировать этот процесс на всю историю в целом совершенно недопустимо. Еще раз подчеркнем, мы имеем дело, во многом, с исключительной ситуацией.

Становление капитализма есть переход от аграрного производящего хозяйства к индустриальному. Фактически, речь идет о смене стадий в качественном развитии общества. В результате этой смены аграрное общество начинает трансформироваться. Но проблема состоит в том, что эта трансформация лишена линейности и гармоничности. В различ-

ных регионах и исторических ситуациях она реализуется весьма своеобразно. В некоторых обществах опережающе формируются элиты, настроенные на модернизацию. Но базис, к несчастью, не соответствует их стремлению. В других обществах мы видим явственное формирование индустриальных структур, но им противостоит гигантский массив архаики. В результате чего, исход конфликта оказывается непредсказуемым. В третьих обществах мы обнаруживаем вторжение химерических идеологий, увлекающих модернизацию в сторону. В иных же случаях общество почти не продвинулось по пути модернизации, но зато прекрасно усвоило стандарты потребления индустриального общества. В результате подобной диффузии общество также накапливает деструктивные моменты и кренился к социальному взрыву.

Таким образом, при анализе эпохи революций необходимо рассматривать два блока проблем.

Во-первых, должно рассмотреть те страны, где капитализм возникает изначально и на собственной основе – это некоторые страны Запада. Здесь мы наблюдаем преимущественно буржуазные революции, хотя на феноменологическом уровне они могут выражаться как религиозный конфликт, национально-освободительное или антиколониальное движение. Их мы рассмотрели выше. Отметим лишь один принципиальный момент. Буржуазная революция становится почти неизбежной в силу того, что новый способ производства оказывается рядоположенным старому способу производства – ситуация исключительная, почти не имеющая аналогов в предыдущей мировой истории. В результате вновь формирующиеся классы индустриального общества вынуждены сосуществовать со старыми аграрными элитами. В какой-то момент конфликт оказывается неизбежным.

Во-вторых, необходимо рассмотреть те страны, которые оказались, вовлечены в модернизацию воздействием на них уже сформировавшегося капиталистического «ядра». Поскольку капитализм по самой своей сути склонен к экспансии и глобализации, постольку все остальные страны оказываются рано или поздно вовлечены в этот вихрь. И здесь необходимо выделить два момента этого вовлечения. Первый – это «давление» внешнего, мирового капитализма на всех «этажах» и уровнях. Второй – это стремление соответствовать «новому», привносимому мировым капитализмом, попытка «выжить» в условиях его экспансии.

Рассмотрим ситуации второго порядка, то есть страны, оказавшиеся периферией мирового капиталистического ядра и вовлеченные в «догоняющую» модернизацию. К ним, кстати, относится и Россия. Здесь положение вещей крайне запутанно и многообразно.

Мы полагаем, что революции в этом пространстве можно классифицировать таким порядком буржуазные, антиколониальные, национально-освободительные, этнические. В качестве отдельного класса, необходимо выделить ситуации, которые по форме выглядят как социальная революция, но, по сути, являются социальным взрывом с непредсказуемым исходом, одним из вариантов которого может оказаться перманентная анархия или же даже «социорная катастрофа».

Характер революции мы определяем по целям и задачам, по движущим силам и по итогам. Хотя, не всегда здесь присутствует полнота. В ряде случаев, мы обнаруживаем, что, например, небуржуазный социальный слой преследует чисто модернизационные, буржуазные цели. (Классическим примером чего является революция Мэйдзи 1867 г.)

Буржуазные революции – это социальные перевороты, порождающие в итоге индустриальное, капиталистическое общество.

Здесь мы должны подчеркнуть, что для нас модернизация – эквивалент развитого капитализма. С фактической точки зрения такой взгляд не совсем корректен, поскольку в XX столетии модернизация часто осуществляется в рамках индустриополитаризма (фашизм или социализм). Но этот путь тупиковый, ибо он дает временный эффект, который в длительной

перспективе оборачивается стагнацией и экономическим коллапсом. Да и результаты этой псевдомодернизации не дотягивают до образцов действительно модернизированного общества.

Таким образом, реальная модернизация может быть осуществлена лишь в рамках развитого капитализма. Именно эта форма в нынешней исторической перспективе оказывается наиболее эффективной, стабильной, перспективной и наиболее гармоничной. Модернизация в рамках индустриополитаризма есть тупик, поскольку он не жизнеспособен как форма современного индустриального общества. Он оказывается лишь гримасой, переходной формой, которая ведет либо к гибели, либо к капиталистической модернизации.

Антиколониальная революция – движение по преодолению колониального статуса.

Национально-освободительная революция связана с борьбой за национальное государство и национальные гражданские институты.

Это движение может включать в себя различные этносы, что и отличает его от *этнической революции*, ориентированной на экономическую, политическую, социальную идентификацию этноса.

Это лишь абстрактная классификация, поскольку реальные движения часто включают в себя все вышеперечисленные моменты.

Теперь же рассмотрим революции, которые по своей сути являются социальным взрывом. Вопрос этот крайне сложен и запутан, но при этом он является принципиальным для понимания истории XX века.

Социальные взрывы.

Рациональное мышление по определению есть порядок. И оно стремится в изучаемом объекте так же обнаружить порядок. Отсюда проистекает представление социальных теоретиков о линейно прогрессирующем человечестве, законах истории, о социальных революциях, которые созревают, происходят, и завершаются, или не завершаются с тем, чтобы завершиться потом. Здесь много истины, но много и заблуждения, возникающего вследствие неоправданной проекции очевидностей разума на противостоящую ему реальность.

Это замечание уместно и по отношению к рассматриваемой здесь проблеме. Довольно часто процессы модернизации в обществах периферии не обретают законченной формы. Часто накопившиеся деструктивные моменты перевешивают силы порядка, и тогда приходит в движение вся масса продуктов разложения аграрного общества. Процесс, который первоначально мог иметь определенную форму становится неуправляемым и непредсказуемым. Он превращается в социальный взрыв.⁸ Чаше всего итогом подобного взрыва становится перманентная анархия⁹, либо же возникновение нового типа общества, которого никто в начале даже и не предполагал.

Хорошим примером подобных процессов могут служить движения, основанные на племенной или клановой основе. Здесь налицо очевидные социальные подвижки при отсутствии четко выраженных целей и задач, если, конечно, не считать таковыми властные потребности того или иного племени или клана.

Другим очень распространенным вариантом социального взрыва являются ситуации, когда всеобщее недовольство оказывается оформленным в рамках той или иной химерической идеологии. Именно к этой ситуации следует отнести так называемые религиоз-

⁸ По большому счету всякая революция является социальным взрывом. В этом отношении наш термин «социальный взрыв» не совсем корректен. Но, за неимением лучшего мы используем его с тем, чтобы отразить в нем аморфность, непредсказуемость, химеричность процессов подобного типа.

⁹ Классическими примерами подобного рода могут служить события в ряде африканских стран.

ные, фашистские и социалистические революции. На последних мы остановимся более подробно, поскольку для истории России эта тема крайне важна.

Деления современных социоров на «ядро» и «периферию» достаточно условно. Социор «ядра» можно определить как общество, полностью завершившее модернизацию,¹⁰ и в силу этого, занимающее одно из центральных мест в мировой экономической системе. Дивиденды, которые общество получает в результате этого, позволяют ему успешно решать внутренние проблемы и быть одной из доминирующих сил на мировой арене. Социор «периферии» – это общество, вовлеченное в мировую капиталистическую систему, но в котором модернизация еще не началась, либо же только осуществляется.

Очевидно, что жесткой границы между социорами «ядра» и «периферии» нет. Все социоры находятся в различной степени приближения к ядру, они могут достаточно быстро включаться в него, и внезапно выпадать из него. Соответственно, те закономерности «ядра» и «периферии», которые мы отмечаем, действуют в зависимости от степени удаленности социора от «ядра». Кроме того, отдельные регионы социора могут быть в различном отношении к «ядру». Так, например, Италия первой половины XX века определенно неоднородна: Север тяготеет к «ядру», Юг – к «периферии».

Вышеприведенные утверждения являются ключевыми для понимания сущности социалистического движения и социалистических революций.

Мы отталкиваемся от двух очевидных фактов.¹¹ Первый. *Социалистическое движение на Западе возникает на ранней стадии капитализма, практически совпадая по времени с промышленной революцией, и идет на убыль, трансформируясь в профсоюзно-реформистское течение, с завершением процесса модернизации.* Второй. *Все социалистические революции произошли в обществах периферии*¹² Эти два факта позволяют нам утверждать, что социализм есть феномен становления индустриального, капиталистического общества. Те страны, в которых капитализм возник органично, на собственной основе, переболели этой «болезнью» в той или иной степени. Те же страны, которые были вовлечены в модернизацию извне, либо же, имели существенные структурные дефекты, оказались во многом беззащитны перед социализмом (или же фашизмом, или же религиозным фундаментализмом). Таким образом, социалистическая революция порождается не капитализмом, а процессом перехода к нему.¹³ Мы склонны рассматривать социалистическую революцию как одну из возможных форм канализации социального взрыва.

¹⁰ Завершившаяся индустриализация, тотальное и органичное включение всех элементов общества в рыночную экономику, окончательная институционализация классовой структуры, что в итоге создает социально-экономическую базу для развитой демократии.

¹¹ Здесь мы предлагаем нашим коммунистическим оппонентам хотя бы на время выйти из контакта с будущим, которое, вне всякого сомнения, явит мировую победоносную пролетарскую революцию, которая и посрамит очевидность наших фактов, и войти, как и положено ученому в контакт с настоящим строить теорию на фактах возможного будущего – ненаучно.

¹² Относительно аргумента левых о «подкупе» пролетариата в развитых капиталистических странах мы отметим если получение сверхприбылей есть существенная черта развитого капитализма, то невозможность социалистической революции здесь также существенна. Следовательно, Маркс ошибался, полагая, что капитализм сущностно, неизбежно порождает социалистическую революцию. Социалистическую революцию вероятностно может породить не капитализм, а процесс перехода к нему.

¹³ По сути, здесь мы говорим о капитализме как о стабильной общественной форме, которая раз установившись не склонна к разрушению в силу своей высокой адаптивности. В этом отношении вероятность социалистических революций в развитых капиталистических странах почти исключена. Этот тезис во многом обоснован прошлым и настоящим капитализма. Но мы не рискнули бы рассматривать его как абсолютную истину. Вполне можно представить в будущем ситуацию мощнейшего кризиса капитализма, вызванную самыми различными причинами. В этом случае течения типа фашизма, как предельной формы националистической идеологии, коммунизма, религиозного фундаментализма могут реанимироваться. Смогут ли они победить – это вопрос о степени стабильности и «непотопляемости» капиталистического общества. Эти вопросы – поле футурологии, и мы как ученые не рискуем углубляться в эту область.

В социалистическом движении мы видим три социальных силы интеллигенция, пролетариат и элементы разложения аграрного общества, которые марксисты традиционно обозначают как «мелкая буржуазия» и «люмпен-пролетариат».

Интеллигенция. Этот слой становится массовым в результате развития индустриального общества. При этом большинство интеллигенции фактически оказывается пролетариатом умственного труда и одновременно духовной наследницей ценностей докапиталистического общества. В результате многие ее представители проникаются антибуржуазным духом и пытаются сделать социальную карьеру на основе оппозиции капитализму.

Пролетариат. Наибольшее развитие рабочее движение получило в XIX – первой половине XX века. Это время завершающего этапа формирования индустриального, капиталистического общества Запада. Свершившаяся промышленная революция породила многочисленный класс индустриальных рабочих, что во многом и заставило Маркса констатировать победу капиталистического способа производства. И он был прав. Но, к сожалению, ни буржуазия, ни исторический процесс не приняли это заявление Маркса к сведению. Победа капиталистического способа производства еще не означает, что он представлен в развернутом, сущностном виде. И в частности, появление на сцене пролетариата вовсе не означало, что буржуазия поспешит тотчас предоставить ему его «законное место», то есть место, обусловленное сущностью капиталистического способа производства. Соответственно, за моментом возникновения пролетариата с неизбежностью следует длительный период времени, в течение которого, пролетариат борется и обретает «законное место», обусловленное его местом, ролью в производстве и его численностью. И, действительно, в течении XIX – начала XX века мы видим интенсивную борьбу пролетариата на экономическом и политическом «фронтах». Но это не борьба за социализм, а борьба за лучшие условия труда и возможность получить «политический голос» с тем, чтобы сделать экономическую борьбу более эффективной. Вполне естественно, что в этой ситуации социалистическая идеология оказывается вполне эффективным оружием. Но поскольку пролетариат борется не за социализм, а за лучшее экономическое, социальное, политическое, культурное положение, постольку, как только он достигает этого, его приверженность социалистической идеологии резко ослабевает. Именно это и случилось в конце XIX – начале XX века, и породило многочисленные вопли и сетования социалистических теоретиков и партийных функционеров о «подкупленном» пролетариате, о «рабочей аристократии», обуржуазивании пролетариата. И ныне мы видим, что в развитых капиталистических странах социалистические движения, ставящие своей задачей разрушение буржуазного общества, рекрутируют в свои ряды не столько рабочих, сколько интеллигенцию.

Итак, зрелое капиталистическое общество второй половины XX века («общество всеобщего благоденствия», социальное государство) с окончательно устоявшейся классовой структурой есть плод усилий не только буржуазии, но и пролетариата. В этом отношении он также не заинтересован в разрушении его, как и буржуазия. Все конфликты между пролетариатом и буржуазией есть борьба за перераспределение власти и доходов.

Таким образом, марксизм есть идеология, созданная и поддерживаемая антибуржуазно настроенной интеллигенцией, и временно воспринятая становящимся пролетариатом.¹⁴ Завершение институционального становления пролетариата как полноправного элемента капиталистического общества означает отказ его от данной революционной идеологии. Это не относится к обществам догоняющей модернизации, в которых экономическая борьба пролетариата часто наталкивается на противодействие политического деспотизма, что неизбежно канализирует энергию пролетариата в политическое русло.

¹⁴ Весьма характерно, что наиболее передовой отряд пролетариата – английские рабочие так никогда и не восприняли марксизм. Здесь вопрос о революции никогда не ставился, при всей интенсивности классовых битв.

Элементы разложения аграрного общества. Под ними мы подразумеваем мелких собственников, не охваченных капиталистическими отношениями сфер общества, и люмпен-пролетариат. Марксисты всегда признавали наличие этих элементов в социалистическом движении и всегда преуменьшали их реальный вес и роль. В различные моменты времени их удельный вес менялся, но всегда был достаточно значительным.

При переходе от аграрного к индустриальному обществу наблюдается тенденция к радикализации мелких собственников, поскольку процесс ассимиляции их капитализмом весьма болезнен. Их массовое разорение поставляет всё новые ряды для люмпен-пролетариата, который также в это время становится весьма многочисленным и беспокойным. В результате эти слои оказываются неисчерпаемым источником, как для коммунизма, так и для фашизма.

Соответственно, завершившийся процесс модернизации ассимилировал эти слои или, по крайней мере, создал механизмы их адаптации. Это другая причина спада социалистического движения.

Социалистические революции.

Как мы уже отмечали, модернизация и становление капитализма в обществах периферии имели внешне-принудительный характер. Иными словами, модернизация и капитализм не были итогом естественного внутреннего развития, но были спровоцированы различными внешними факторами, а именно 1. вовлечение национального хозяйства в международный рынок; 2. военно-политическое давление со стороны капиталистических стран; 3. потребность выжить в мире, где доминируют эти страны; 4. экспорт идей, людей, структур, потребностей.

Соответственно, капитализм здесь оказывается незрелым, он не имеет всеобщего распространения, а существует как инородно-инкорпорированное тело, в результате чего он оказывается либо компрадорским, либо же искусственным инструментом в руках местных архаических элит. В итоге, привнесенный извне капитализм оказывается не в силах переработать всю массу местной архаики, он не только не решает проблемы разлагающегося аграрного общества, но и значительно усугубляет их. При этом как включение чужеродное и новое, он концентрирует на себе общественное внимание и выступает в мифах массового сознания как главный источник всех социальных бед. В этой ситуации социалистическая идеология (также, кстати, импортированная извне) может выступить как фактор, оформляющий и канализирующий всеобщее недовольство. Отсюда многочисленные теории местных интеллектуалов о возможности избежать капитализма посредством прыжка через него прямо в лоно будущей сверхсовременной социалистической цивилизации, о крестьянстве, как движущей силы социалистической революции.

Более того, весьма характерным является то, что социализм привился в обществах, имеющих древнюю политарную традицию, и как неоднократно было замечено, здесь он оказывался идеологией, освящающей иллюзию осуществления модернизации политарными методами, методами тотального государства.

Таким образом, социализм на периферии был идеологией, иллюзорно выражающей все трудности и противоречия разлагающегося аграрного общества. Соответственно, и социалистические революции здесь не были движением к некоему обществу будущего, а оказывались одной из форм «социального взрыва» с последующими попытками преодолеть его посредством создания индустрополитаризма. Ниже, в разделе, посвященном русской истории, мы рассмотрим эти процессы более детально. Здесь же в итоге отметим, что в отличие от Запада потенциал социалистической идеологии в обществах периферии отнюдь не исчерпан. На данный момент эта идея дискредитирована катастрофическим крахом уже создан-

ных так называемых социалистических государств. Но по прошествии некоторого времени коммунистическая идеология может вновь оказаться привлекательной, поскольку еще множество стран находятся лишь на пути к индустриальному обществу. Если кого-то подобная перспектива может воодушевить и наполнить энтузиазмом, то мы можем искренне пожелать ему оказаться подданным страны «победившего социализма».¹⁵

Подводя итог нашему социальному анализу социалистического движения, мы, отчасти резюмируя, а, отчасти, дополняя, хотели бы отметить следующее. Индустриальное общество и капитализм порождают три мощнейшие силы *массы*, *интеллигенция*, «*современное государство*».

Массы. Индустриальное общество создает объективные условия для мощнейшего «демографического взрыва» урбанизация, гигантское товарное производство, поставляющее средства для существования масс, улучшение условий жизни, востребованность масс индустриальным производством. Если капиталистическое общество развито и стабильно, то массы оказываются здесь институализированным элементом данного социального порядка. Но неразвитость или кризисное состояние капитализма резко ухудшают положение масс и в итоге революционируют их. В этом состоянии массы оказываются крайне восприимчивы к тоталитарным идеологиям типа социализма, фашизма или религиозного фундаментализма. Эта восприимчивость оказывается тем большей, поскольку тот же капитализм создает предпосылки всеобщего образования – массы оказываются способными воспринять и реализовать абстрактные идеи радикальных идеологий.

Интеллигенция. В индустриальном обществе интеллигенция становится таким же самостоятельным классом, как пролетариат и буржуазия. Она занимает четко определенное место в общественном разделении труда – производство информации; она лишена собственности на средства производства – не обладает капиталом; её доля в общественном богатстве выше, чем доля пролетариата, но существенно меньше, чем доля буржуазии. Все эти три фактора потенциально революционируют интеллигенцию идеи волнуют, отсутствие капитала провоцирует, доля – раздражает. По этому поводу очень точно высказался Р. Пайпс «Интеллигенция может процветать только в обществах, освободившихся от сословных привилегий, с равноправным гражданством, таких, как образовавшиеся в новейшее время на Западе, но именно эти общества ставят интеллигентов в двусмысленное положение. Пользуясь огромным влиянием на общественное мнение, социально они стоят на обочине, не обладая ни богатством, ни политической властью. Добрая часть их составляет интеллектуальный пролетариат, который едва сводит концы с концами даже самые удачливые из них не имеют веса в экономическом и политическом смысле и часто вынуждены играть роль наемных оракторов правящей элиты. В таком унижительном положении вдвойне обидно находиться тем, кто считает себя заслуживающими всех прерогатив власти более, чем те, кто ими пользуется в действительности – по праву рождения или богатства... в каком-то смысле интеллигенции было проще приспособиться к прежнему обществу, где её социальный статус был прочно закреплён традицией и законом, чем к изменчивому миру капитала и демократии новейших времен, где, за неимением денег и общественного положения, они ощущают свою униженность».¹⁶ Даже в стабильном капиталистическом обществе интеллигенция – неисчерпаемый источник для радикальных политических движений. Во время же кризиса она – одна из

¹⁵ Наша ирония тщетна, поскольку в случае исполнения этого пожелания маловероятно чтобы коммунист, оказавшись в обществе всеобщего дефицита, тотального насилия власти над умом и телом человека, всеобщего угодничества и лицемерия, хлопнул себя по лбу и воскликнул «Ведь предупреждали меня умные люди!». Нет, эта публика непробиваема! Ситуация воспроизводилась бесконечное множество раз, и всегда коммунист, оказавшийся в застенках коммунистической тайной полиции, сетовал не на безумие своих идей, а на то, что буржуазные агенты снова проникли в ряды и извратили великое движение.

¹⁶ Пайпс Р. «Русская революция», М., РОССПЭН 1994. С. 150–151

главных движущих сил политической активности. В этот момент революционизированные массы и интеллигенция находят друг друга. Марксизм – это одна из интеллигентских идеологий, созданная для организации и управления массами.

Высшим пиком организации и управления массами является политизированное, тоталитарное государство.

«Современное» государство. Государство – древнейший институт. Но лишь индустриальное общество создает новый тип государства. Для него характерна суперцентрализация, обслуживаемая массой служащих, обеспечивающая повсеместное присутствие государства, наличие постоянного, регулярного аппарата принуждения, развитая система образования, разветвленная система коммуникаций. В итоге этот тип государства способен осуществлять масштабные проекты по социальной инженерии. Соответственно, для интеллигенции, овладевшей массами, государство оказывается главным средством реализации своих радикальных идей.

Марксизм – это одна из интеллигентских идеологий, созданная для организации и управления массами в рамках тотального государства.

Таким образом, поскольку все три силы постоянно присутствуют в индустриальных или становящихся индустриальных обществах, постольку время от времени в моменты кризиса все эти три элемента соединяются во взрывоопасную смесь, которая часто порождает тоталитарные общества социалистического, фашистского или религиозно-фундаменталистского типа.

Выше мы писали, что социализм есть не болезнь капитализма, а болезнь перехода к капитализму. Это справедливо, если воспринимать капитализм как стабильное общество. Основания к этому есть, поскольку развитые капиталистические страны в последние несколько столетий являют удивительную способность творчески разрешать все возникающие в них кризисные проблемы. Но у нас нет возможности абсолютно твердо утверждать, что эта способность есть существенная черта, а не следствие счастливого стечения обстоятельств. В этом отношении, если развитой капитализм не есть синоним стабильного общества, то тогда можно предположить, что он хронически чреват тоталитарными катастрофами, поскольку силы, реализующие эти катастрофы, всегда латентно присутствуют в нем.

§ 3. Становление Современности

Традиционно историки и социальные теоретики подразумевают под Современностью (Новейшее время) эпоху, начавшуюся после окончания Первой мировой войны (так называемой Большой войны). Если же рассматривать сущность процессов, то Современность оказывается тождественной сложившемуся индустриальному обществу. В этом отношении мы можем говорить о Современности как времени, начинающему отсчет с момента окончания Второй мировой войны.

Но и эти суждения требуют существенных оговорок. Так, например, индустриальное общество в Великобритании и США сложилось уже к концу XIX века. В западных же странах в целом, лишь во второй половине XX века. Если же брать мир в целом, то индустриальное общество находится лишь в стадии становления. Таким образом, с учетом этих оговорок, наверное, лучше говорить о последних полуторах лет как о времени становления Современности.

В книге «Европейская модернизация» Д. Травин и О. Маргания указывают следующие критерии, на основании которых возможно говорить о том, является ли данное общество в основном модернизированным или все же традиционным

«Во-первых, в модернизированном обществе существуют имманентные механизмы, которые обеспечивают постоянное возобновление экономического роста, несмотря на любые кризисы, его поражающие....

Во-вторых, модернизированное общество отличается от традиционного высоким уровнем гражданской культуры населения, благодаря чему политическая форма его существования становится демократия....

В-третьих, модернизированное общество в отличие от традиционного оказывается мобильным в физическом, социальном и психологическом смыслах...

В-четвертых, в модернизированном обществе человек обладает способностью приспосабливаться к изменяющейся среде.....

В-пятых, в модернизированном обществе люди начинают во всех областях жизни действовать совершенно рационально, вместо того, чтобы ориентироваться только на традиционные представления».¹⁷

Ведущей тенденцией эпохи Современности является формирование индустриального общества на Западе и втягивание в его орбиту обществ периферии. Теоретическим развертыванием этого тезиса выступает теория модернизации, возникшая после второй мировой войны. Это не случайно, поскольку именно после второй мировой войны модернизированное общество стало реальностью. Соответственно, теория модернизации предполагает, что в орбиту современной капиталистической системы рано или поздно будут втянуты все страны мира, которые тоже модернизируются. Этот процесс осуществляется и получил название глобализация.

У этой теории существует множество оппонентов. В самом общем виде они распадаются на два направления сторонники марксистской парадигмы и приверженцы концепции зависимого развития. По большому счету между этими направлениями не существует фундаментальных различий, и их приверженцы постоянно ссылаются друг на друга. Их объединяет общий тезис. Мировой капитализм неоднороден; он состоит из центра и периферии, и периферия всегда останется таковой – её удел нищета, бедствия, ограбление.

Безусловно, противники теории модернизации правы в том, что мировой капитализм всегда будет неоднородным, впрочем, как и любая сложноорганизованная социальная

¹⁷ Травин Д. Маргания О. Европейская модернизация В 2 кн. Кн. Е – М. 2004 С. 38–45.

система – всегда будут существовать центральные и периферийные структуры. Именно это положение роднит обе концепции, поскольку марксизм выражает пафос социальных низов, а концепции зависимого развития рассматривают страны периферии в качестве «мирового пролетариата». Но проблема вовсе не в том, сохранится периферия или нет – она, безусловно, сохранится, а в том, что с ней произойдет. Продвинутое сторонники теории модернизации полагают, что она будет «ассимилирована» страны периферии будут модернизированы и органично «подсоединены» к Центру. Этот процесс подобен тому, как действовал капитализм в Европе – в рамках отдельного общества, возникшие капиталистические структуры не превратились в анклав, но переработали и поглотили структуры некапиталистические. В рамках отдельного капиталистического рынка существуют центральная и периферийная зоны, но разрыв между ними не носит катастрофического характера. Соответственно, теоретики модернизации полагают, что нечто подобное будет происходить и при возникновении мирового капиталистического рынка и мирового сообщества.

Эта позиция представляется нам наиболее аргументированной, чего не скажешь об их оппонентах. Мы видим, что процесс ассимиляции капитализмом мира весьма успешно осуществляется уже несколько столетий. Помимо Англии и Голландии, где капитализм имел автохтонный характер, все остальные страны Европы являют пример «догоняющей» модернизации, и весьма успешный пример. Тоже можно сказать и о ряде стран Америки, Азии и Африки. Таким образом, мы видим поэтапное расширение «ядра» мирового капитализма. И у нас есть все основания предполагать, что этот процесс будет продолжаться далее. По крайней мере, марксисты осуществляют свою критику с уже весьма ослабленных позиций. Они находятся на втором эшелоне обороны. Их концепция «мирового пролетариата» и «мировой буржуазии» есть вынужденная переформулировка старой теории Маркса о классовой борьбе внутри отдельного общества. Помнится, Маркс уже указывал на непреодолимую пропасть между пролетариатом и буржуазией и говорил об абсолютном и относительном обнищании социальных низов. После того, как эта идея была опровергнута реальным ходом событий, марксисты не нашли ничего лучше, как перенести её на анализ международной ситуации. Банкротство мрачных марксистских прогнозов в прошлом дает нам надежду на их банкротство и в будущем, тем более что существенно их схемы и способы аргументации не изменились. Кроме того, ныне, как и раньше, марксисты чрезмерно акцентируются на экстенсивных, грабительских механизмах существования капитализма и не желают замечать его сущности, выражающейся в мощной социальной, экономической, политической, культурной эффективности.

Иными словами, капитализм охотно развивается «вширь», но в основе этого развития всегда лежит движение «вглубь».

Наиболее слабым местом антимодернизаторских концепций является их неспособность предложить реальную альтернативу. Сторонники концепции зависимого развития уповают либо на «чудесную» роль государства, либо на создание альтернативной Западу региональной экономической системы. Экспериментирование с вмешательством государства до сих пор было малоуспешным, и нет оснований полагать, что в будущем оно будет принципиально иным. Что же касается создания региональных экономических систем, то это относительно недавние инициативы и делать выводы относительно их пока рано. Но, скорее всего, они не смогут противостоять мощи мировой капиталистической системы.

Марксисты же по-прежнему грезят о крахе капитализма и возникновении социализма. Любопытней же всего то, что наиболее продвинутое из них теперь не отрицает роль рынка. Но при этом они полагают, что в переходный период на пути к коммунизму рынок будет действовать под строгим контролем общества оно будет вырабатывать стратегию, а рынок обеспечивать нужную тактику.

К сожалению, этот план хорош лишь на бумаге. Такая система не может быть устойчивой, поскольку либо рынок «сожрет» государство, либо государство – рынок.¹⁸ Такая система не может быть эффективной, поскольку государство будет парализовывать действие рынка, а рынок будет паразитировать на государственных структурах. Кроме того, строгий контроль общества в действительности есть контроль государства, базирующегося на собственных экономических структурах (так называемые «командные высоты» в экономике). В итоге бюрократия являющаяся «телом» государства окажется самостоятельным социальным классом. И почему марксисты полагают, что этот класс будет преследовать интересы общества, а не свои собственные, совершенно непонятно. Реальная история здесь свидетельствует не в их пользу.

Солидаризируясь с теорией модернизации, мы при этом не склонны впадать в прогрессистские иллюзии. Мировая капиталистическая система может «перегреться» и развалиться. Она может радикально перестраиваться, что повлечет чудовищные социальные катаклизмы. Даже в случае ее триумфа глобальные подвижки могут быть весьма значительными – политическая, экономическая, демографическая карты мира могут радикально измениться. Неизбежен гигантский исход населения из регионов и стран, не сумевших занять свое экономически оправданное место в мировой системе. Очевидно, что подобные процессы не могут не сопровождаться социально-политическими потрясениями чудовищной силы. Скорее всего, не стоит ждать от будущих столетий чего-то утопически прекрасного. В этом отношении они не будут сильно отличаться от столетий предшествующих.

Как видим, процесс мировой модернизации глубоко разбалансирован кризисы рождения индустриального общества в «ядре» и на «периферии» отягощаются кризисами взаимодействия «ядра» и «периферии». Это движение сопровождается серией империалистических войн, окончательным формированием и скорым крахом системы колониализма, возникновением индустрополитарных обществ с их претензией на мировое господство, взрывом национализма и религиозного фундаментализма.

К концу XX века многим теоретикам казалось, что, наконец, эпоха потрясений завершилась, история закончилась и теперь человечество, возглавляемое передовыми Западными странами, двинется по пути линейного, гармоничного прогресса. Эти упования были, прежде всего, связаны с окончанием «холодной войны». Но первое же десятилетие «новой эры» показало, что никакой «новой эры» нет – нестабильность приобрела лишь иные формы. И это неудивительно, поскольку центральный процесс нашей эпохи – становление мирового индустриального общества – не только не завершен, но лишь разворачивается в своих основных сущностных чертах. В этом отношении будущее, скорее всего, нам готовит не только новые формы конфликтов, кризисов и потрясений, но и «второе издание» прежних сюжетов, которые, казалось бы, уже принадлежат истории.

Например, в ближайшее время никто не ожидает масштабных империалистических войн. Они, действительно, маловероятны в ситуации мирового порядка, поддерживаемого лидирующим положением развитых капиталистических стран, и базирующихся на этой основе международных органов, возглавляемых США в качестве «мирового жандарма». Но экономический центр может переместиться, или США могут экономически надорваться, или может возникнуть новый мощный экономический, а значит и политический центр силы, или всё это может произойти одновременно – и тогда весь ныне существующий мировой порядок рухнет в бездну. В этом хаосе могут разгореться новые империалистические войны, развиваться новые социальные и политические кризисы, возникнуть иные сверхдержавы.

¹⁸ Советский нэп закончился победой государства. В Югославии же балансирование между государством и рынком явилось перманентным источником нестабильности всего социума.

Всё это очень похоже на то, о чем часто пишут коммунистические духовидцы. С той лишь разницей, что они вожделеют этот хаос, собираясь в нем поймать свою «коммунистическую рыбку». Что же еще ждать от радикальных интеллектуалов, не имеющих собственности, но имеющих идеалы? Нас же эта перспектива отнюдь не радует. Трезвому историческому уму трудно поверить в то, что подобный хаос может способствовать возникновению идеального общества. Конечно, интеллигент знает, как должно быть и он в ужасе от того, как всё происходит. Его невротическая тревога заставляет думать, что если всё не будет приведено в должное состояние, то человечество погибнет. Это лейтмотив многих интеллигентских писаний последних нескольких тысяч лет.¹⁹ В качестве альтернативы предлагается коммунистическое общество, которое единственное может спасти человечество. Это похоже на истерические заклинания либо капитализму будет положен предел, либо человечество погибнет. При этом как-то неосознанно предполагается, что человечество погибнуть не может, а если всё же и погибнет, то грош цена этому человечеству, которое не смогло соответствовать высоким моралистическим ожиданиям наших теоретиков.²⁰

Мы не против торжества идеального общества. Лишь злонамеренный человек будет возражать против него. Но это не значит, что мы склонны приветствовать иллюзорные проекты. В исторической данности у нас есть ряд экспериментов над обществом, предпринятых в социалистических странах. Они закончились с разной степенью катастрофичности. Это не было случайностью. Так называемый реальный социализм порождает беды и потери во много раз большие, чем капитализм. Реальные проблемы современного общества – экологический кризис, социальное неравенство, эксплуатация, войны и насилие – не только не будут разрешены этим типом общества, но будут еще более усугублены. Таковы факты. Конечно, можно говорить, что лишь стечение злых обстоятельств провалили это благое дело и необходимо попробовать еще раз. Но странным образом, те же самые люди, которые призывают нас вновь и вновь строить «царство Божье» на земле, невзирая на провал предыдущих попыток, в личной жизни проявили бы большую осторожность, и, став жертвой обанкротившегося коммерческого проекта, не рискнули бы пожертвовать последним, чтобы вновь войти в него.

Мы ни в коей мере не собираемся представлять капитализм как уже осуществившееся идеальное общество. Это крайне плохая схема, когда мы вынуждены бороться либо за идеальный капитализм, либо за идеальный социализм. В эту борьбу нас постоянно втягивают теоретики, полагающие, что к истории можно подходить с моральным мериллом. Но, к сожалению, история человечества абсурдна. Иными словами, она мало соответствует нашим представлениям о рациональном, моральном, эстетическом. Капитализм может похвастаться достижениями, которые вызывают энтузиазм у многих современников это и рост благосостояния, это и развитие демократии, и освобождение женщины и невиданный расцвет науки и искусства и т. д. И тот же капитализм породил множество чудовищных преступлений и несправедливостей, впрочем, как и все остальные типы общества. В этом отношении, он лишь отчасти может быть подвергнут суду, поскольку, как отмечают сами марксисты, капитализм – это царство стихийности. В то время как все преступления социализма должны быть оценены по достоинству, поскольку социализм – так, по крайней мере, заявлено в проекте, – это царство осознанной, дееспособной свободы. Но, впрочем, это как раз пример негодного моралистического подхода к истории.

¹⁹ Еще в XX веке до н. э. древнеегипетский жрец жаловался, что наш мир достиг критической стадии, дети больше не слушаются своих родителей, видимо, конец мира уже не очень далек.

²⁰ Забавно, как схож ход мыслей двух антагонистических направлений интеллигентского радикализма. Ведь и А. Гитлер сетовал на немцев и говорил, что если Германия не сможет выполнить свою историческую миссию, то она должна погибнуть.

В реальности же мы видим, что на данный момент времени капитализм наиболее эффективная, жизнеспособная социальная форма. И она очень привлекательна для многих живущих ныне на земле – они голосуют за неё ногами. И нам остается лишь надеяться, что все положительные стороны капитализма со временем будут усилены, а отрицательные стороны, по возможности, минимизированы.

На этом пути адекватная социальная теория оказывается весьма полезной. В этом отношении политическая доктрина марксизма должна быть преодолена, а его социальная теория сохранена и приведена в соответствие с современностью.

Феноменология русской жизни

Ныне мало найдется россиян, которые были бы полностью довольны положением дел в своем Отечестве. Многие из них винят во всем большевистский эксперимент, который уничтожил исконную Россию и насадил здесь чуждые порядки, обернувшиеся неисчислимыми бедами. Другие же проклинают силы, разрушившие советское государство, и заявляют, что распад СССР был крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Но тот, кто обратится к прошлому России, с изумлением обнаружит то, что ныне воспринимается, как пагубные явления последнего века и современности, в действительности имеет давнюю историю и обнаруживается и в XIX, и в XVIII, и в более ранних веках. Это особенно бросается в глаза при чтении записок иностранцев, посетивших Россию. Они, причастные к другой культуре, замечают многое из того, на что не обращают внимания отечественные авторы в силу привычки, «естественности» для них российской повседневности. Эта повседневность оказывается для россиян естественным фоном, не предполагающим альтернативы. Результат такого чтения – очевиднейший вывод – *большевизм – это не случайность, а квинтэссенция российской цивилизации*. Многое из того, что мы привыкли связывать лишь с советской и постсоветской Россией, обнаруживается и пятьсот лет тому назад. Иными словами, феноменология русской жизни не меняется. Для иллюстрации этого тезиса мы позволили себе привести подборку цитат, извлеченных из записок иностранцев, посетивших Россию за последние пятьсот лет²¹

1. «Что касается до простого народа... у него беспрестанно отнимают и бодрость духа и деньги.иногда под предлогом какого-нибудь предприятия для общественного благосостояния, а иногда вовсе даже не ссылаясь ни на какую потребность в пользу государства или царя»²².

2. «... Не препятствовать насилию, поборам и всякого рода взяткам, которым князья, дьяки и другие должностные лица подвергают простой народ в областях, но позволять им все это до окончания срока их службы, пока они совершенно насытятся; потом поставить их на правед (или под кнут) за их действия и вымучить из них всю или большую часть добычи (как мёд высасывается пчелою), награбленной ими у простого народа, и обратить её в царскую казну, никогда, впрочем, не возвращая ничего настоящему владельцу как бы ни была велика или очевидна нанесенная ему обида. ... Показывать иногда публичный пример строгости над должностными лицами (грабившими народ), если кто из них особенно сделается известным с худой стороны, дабы могли думать, что царь негодует на притеснения, делаемые народу, и таким образом, сваливать всю вину на дурные свойства его чиновников»²³.

3. «Если же у кого и есть, какая собственность, то старается он скрыть её, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском. Этот страх простирается в них до того, что весьма часто можно заметить, как они пугаются, когда кто-то из бояр или дворян узнает о товаре,

²¹ Нас могут упрекнуть в том, что здесь мы сосредоточились на отрицательных сторонах русской жизни, но, во-первых, эти моменты оказываются продолжением того, что многие воспринимают как глубоко положительные явления сильное государство, патернализм, всеобщее равенство в бедности, тенденция к автаркии, возможность насладиться зрелищем падения и унижения сильных мира сего и т. д., а, во-вторых, перефразируя Льва Толстого, можно сказать, что все общества несчастливы одинаково, и несчастны каждое по-своему. При желании можно пропустить эту подборку цитат и обратиться непосредственно к теоретическому тексту.

²² Дж. Флетчер «О государстве Русском» // В кн. «Россия XVI в. Воспоминания иностранцев». Смоленск Русич, 2003. С. 52

²³ Дж. Флетчер «О государстве Русском» // В кн. «Россия XVI в. Воспоминания иностранцев». Смоленск Русич, 2003. С. 61

который они намерены продать. Я нередко видал, как они, разложив товар свой... всё оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, для чего они это делали, то узнал, что они сомневались, не было ли в числе посетителей какого-нибудь из царских дворян или какого сына боярского, и чтоб они не пришли со своими сообщниками и не взяли у них насильно весь товар. Вот почему народ... предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания»²⁴.

4. «...им не дозволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями. Вы редко встретите русского путешественника, разве только с посланником или беглого; но бежать отсюда очень трудно, потому что все границы охраняются чрезвычайно бдительно, а наказание за подобную попытку, в случае, если поймают виновного, есть смертная казнь и конфискация всего имущества»²⁵.

То же отмечает и Ричард Пайне в книге «Россия при старом режиме»

«Никому не было дано ускользнуть от этой системы. Государственные границы были наглухо запечатаны. На каждой ведущей за границу столбовой дороге стояли заставы, поворачивавшие назад путешественников, не имевших специальных проездных грамот, получить которые можно было, лишь обратившись с челобитной к царю. Купец, каким то образом пробравшийся за границу без такой грамоты, наказывался конфискацией имущества, а родственники его подвергались пытке, чтобы вынудить у них причину его отъезда, и затем ссылались в Сибирь. По Уложению 1649 г., россиян, уехавших за границу без позволения, а по возвращении разоблаченных в том по доносу, следовало допросить о причинах поездки; избалованные в государственной измене подлежали казни, а уезжавшие заработать наказывались кнутом. Главной причиной этих драконовских мер было опасение потерять служилых людей и источник дохода. Опыт показывает, что, познакомившись с жизнью на чужбине, россияне теряли желание возвращаться на родину «русским людям служить вместе с королевскими людьми нельзя, ради их прелести, – высказывался в XVII в. князь Иван Голицын, – одно лето побывают с ними на службе, и у нас на другое лето не останется и половины русских лучших людей, не только что боярских детей, останется кто стар или служить не захочет, а бедных людей не останется ни один человек». Не забывали, что из примерно дюжины молодых дворян, посланных Борисом Годуновым на учение в Англию, Францию и Германию, домой не вернулся ни один»²⁶

²⁴ Дж. Флетчер «О государстве Русском» // В кн. «Россия XVI в. Воспоминания иностранцев». Смоленск Русич, 2003. С. 67–68. Сразу вспоминаешь о поборах и вымогательствах представителей власти в современной России.

²⁵ Там же. С. 69. Напомним, что границу в России действительно открыли лишь в конце XX века.

²⁶ Р. Пайпс «Россия при старом режиме» М. Захаров, 2004. С. 156–157

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.